

Новая городская романтика

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУР-СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ НОВЕЙШЕГО РОССИЙСКОГО ПРОТЕСТА

Виталий Куренной

ВРЕДА городских мероприятий и акций в Москве и некоторых других крупных городах, последовавшая за последними думскими и президентскими выборами, является главной темой российских интеллектуальных дискуссий последних месяцев. Духовное возбуждение не раз достигало предела, события оставили неизгладимый след в судьбах участников, а произведенных по этому поводу текстов хватит на много поколений интеллектуальных историков. Признаюсь, именно последний аспект интересовал меня в этих событиях прежде всего — в силу разных профессиональных и специальных интересов раздел «интеллектуалы» (много меньше — «политика») в моих интернет-закладках за эти месяцы изрядно пополнился. Побуждений же что-то написать в связи с этими событиями у меня не возникало. По причине, по которой, например, у историков различается воодушевление в отношении эпохи Петра I: одни с энтузиазмом обращаются к ней как переломному пункту истории России, тогда как другие видят в ней банальное продолжение тенденций правления Алексея Михайловича. В общем, я тут на стороне интеллектуально-скупающих. Хотя, конечно, персонально рад эмоциональному подъему молодых студентов и вечно-молодых друзей и товарищей. Но все же у пишущего человека есть потребность фиксировать происходящее — в виде если не массивных коробов листьев, то хотя бы небольших узелков на память.

ДЕНЬ КОНСТИТУЦИИ

Указание на кризис или утрату легитимности действующего режима правления в связи с претензиями к прошедшим думским

и президентским выборам — одна из активно разыгрывавшихся понятийных игр последнего времени, но при этом и одна из наименее адекватных. И вот почему. Понятие легитимности относится к структуре власти и правления как совокупности институтов и к основам признания ответственности этой структуры, но — в случае характера легитимности современной российской власти — никак не к отдельным людям, занимающим отдельные позиции в этой структуре. Вся же фактическая констелляция основных лозунгов и требований, образовавших минимальное единство массовых выступлений, представляла собой — вопреки всем и всяческим рассуждениям — *аффирмацию легитимности* существующей политической системы. Требование «честных выборов», «Путин уходи» и проч., равно как и вся деятельность наблюдателей на выборах, равно как и вся совокупность действий, связанных с противодействием задержанию активистов, равно как и подчеркнуто разрешенный характер выступлений — все это зиждется на безоговорочном признании легитимности существующей политически-правовой системы и, более того, позитивно настаивает на ней. Нарушения, подтасовки на выборах, манипулирование, закулисные договоренности и т. д. и т. п. — все эти претензии имеют характер *утвердительной перформативной апелляции* к ней и немислимы, безнадежно противоречивы без признания ее легитимности. Во всех этих случаях речь может идти только о нарушении *легальности* действий отдельных лиц или их групп. До такой степени, что, на мой взгляд, следовало бы даже *перенести День Конституции на какую-нибудь памятную декабрьскую дату*, так как до настоящего времени эти события — самое массовое событие в пользу именно Конституции.

Нетрудно также заметить, что единственный прямой результат всей новейшей оппозиционной активности по факту заключался в скачкообразном росте голосов, поданных за либерального кандидата — Михаила Прохорова. Этот результат является предсказуемым, поскольку существующая политическая система *in the long run* была учреждена именно как условие возможности установления, условно говоря, «либерально-рыночной» системы путем приостановки действия ряда правовых и конституционных механизмов¹.

1. См.: *Фурман Д.* Политическая система современной России и ее жизненный цикл // Свободная мысль. 2003. № 11; *Куренной В.* Мерцающая диктатура: диалектика политической системы современной России // Левая политика. 2007. № 1. С. 17–24; *Он же.* Модернизация модернизатора. Новейшие трансформации российской политической системы // Неприкосновенный запас. 2010. № 6 (74). С. 356–368.

Вопрос о полноценной гражданской легитимности существующей системы отсылает нас «в глубь веков» — сначала к системе, возникшей при Борисе Ельцине, а от него, при наличии особой въедливости, далее — к истории появления советского государства. И он слишком сложен, чтобы можно было затронуть его лишь кратко. Ограничусь только следующей, далеко не новой формулировкой: *современная российская политическая и правовая система институтов существует и действует в результате перманентной приостановки демократических процедур*. Источник легитимности этой системы находится в будущем, а не в настоящем, а то будущее, за которое выступали протестующие, ничем не отличалось от содержания мандата легитимности действующей системы власти. Вопрос о том, в пользу чьей именно компании друзей² действующая система распределяет свои неизбежные бонусы, безусловно, будоражит и завораживает, но все же — в рамках аффирмативного отношения к системе как таковой — не стоило ли задаться при этом также старым и простым вопросом: «Что он Гекубе, что ему Гекуба?».

ПОКОЛЕНИЕ ЭКРАНОВ

Один из расхожих штампов текущих событий состоял в противопоставлении телевизионной и интернет-аудитории. Вторая понимала себя как сугубо мыслящая и самостоятельная — в противоположность пассивной и оболваненной пропагандой первой. Несмотря на невыносимую легкость и приятность подобного акта самопознания, сначала медиа-критики побуждают все же обращать больше внимания на некоторые формальные стороны дела, а не на впечатляющие содержательные метафоры.

В контексте нашей проблемы уместно поставить простой вопрос о существовании телевизионного медиума как месседжа и его значении для политической судьбы современных обществ. Политика в телевизионную эпоху перестала — за некоторыми небольшими исключениями — быть сложно опосредованной структурой, с партийными программами, дискурсивной поли-

2. Характерно, что идеологи протеста, мобилизованные для политической рефлексии, в конечном счете быстро произвели в качестве объяснительной модели эту самую бытовую формулу *компании друзей*. См. образцово: «Раньше у нас был институт друзей. <...> А теперь сам собой появился институт врагов» (Ревзин Г. И хочется довериться врагу // Коммерсантъ Weekend. 06.04.2012. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/1902995>). Формула мышления «от противного» здесь, конечно, является критерием самой себя и противоположного.

тической прессой, социально-политическими группами, вроде профсоюзов, партий и т. д. Процесс утраты политикой организационно-рациональной структуры, разумеется, не является однородным — историческая колея сложившейся практики затормаживает этот процесс в странах, имеющих соответствующую хрестоматийную политическую традицию, но Россия как раз к ним и не относится — за отсутствием подобной истории. В своем полном развитии этот процесс ведет к превращению политики в телевизионное шоу, основанное на непосредственном эмоциональном отношении к наглядно присутствующей на вашем домашнем экране персоне политика («аудиторная демократия»³). Но российская интернет-аудитория как раз мало чем отличается в этом отношении от телевизионной: сугубо эмоциональная персонификация протеста в виде прямого обращения к Чурову и Путину явно доминировала над возможной дискурсивно-рациональной сложностью. Таким образом, можно заключить, что интернет ни мало не ограничивает действенность сугубо телевизионно-экранных механизмов деформации хрестоматийных моделей современной политики, а потому здесь можно просто констатировать *полное подобие телевизионной и интернет-аудитории*. Замена бодрых телевизионных новостей на язвительный демотиватор не внесло заметных корректив в это подобие.

Прямая эмоциональность, на которой основана телевизионно-аудиторная демократия, проявила себя в интернет-сообществе также и в другом аспекте. Сетевое взаимодействие порождает собственную эмоциональность и логику самоуверенности, имеющую в своей основе все тот же принцип экранной редукции сложности. Интенсивное протестное сетевое взаимодействие, достигшее своей кульминации к мартовским выборам, поместило участников в атмосферу предвкушения неизбежного краха ненавистного режима. Энтузиазм по поводу чего емко выражают слова отзывчивого пародиста Сергея Шнурова:

Как узнают все люди про наш Химкинский лес,
Тогда счастье всем будет и добро до небес.

Накапливающиеся же фрустрирующие итоги этих предвкушений породили волну самых разных реакций, включая общест-

3. См.: *Анашвили В.* Демократия в современном мире. Случай России // Оценка состояния и перспектив политической системы Российской Федерации в 2008 году — начале 2009 года. М.: Институт общественного проектирования, 2009. С. 33–56. URL: www.intelros.ru/intelros/reiting/rejting_09/material_sofiy/5170-demokratiya-v-sovremennom-mire-sluchaj-rossii.html; *Куренной В.* Электоральная симфония // Политический журнал. 2005. № 30 (81).

венный суд над всеми основными центрами российских электоральных опросов, принужденных к публичным разъяснениям⁴, равно как и множество личных эмоциональных разочарований⁵.

ТЕАТРАЛИЗАЦИЯ, ЭМОЦИОНАЛЬНОСТЬ И НОВЫЕ МЕДИА

Легко согласиться с академическим тезисом Ольги Седаковой, что протестные перформансы — это не карнавал в бахтинском смысле⁶. Однако же трудно отрицать и то, что нынешние городские выступления носили во многом характер театрализованной инсценировки (включая такие формы, как кукольные протесты или «лего-митинги» в некоторых городах, где не было массовых выступлений). Индивидуализированная театрализация участников митингов — одна из самых примечательных особенностей протестных событий, так как в отличие от практик самоорганизации, традиционных демонстрационных атрибутов (колонны, знамена, ораторы) и т. д. в этих выступлениях обнаружилась необычная культур-социальная новизна. Теоретически эту особенность можно рассматривать как реализацию нескольких типов возможных факторов (которые могли комбинироваться или различным образом перераспределяться у разных групп участников), фактическое соотношение которых нельзя, впрочем, установить без специального исследования. Поэтому ограничимся философской процедурой изложения структуры возможностей.

Во-первых, индивидуализированная театрализация может рассматриваться как компенсация российского дефицита городских публичных пространств, каковые и могли бы стать ру-

4. Например: Социология: кризис доверия. Полемика социолога Льва Гудкова и председателя фонда «ИНДЕМ» Георгия Сатарова о настоящем и будущем электоральной социологии // Новая газета. 03.04.2012. URL: <http://www.novayagazeta.ru/politics/51942.html>.
5. Например: «Честно скажу, я хотел увидеть, как работает вся эта „чуровщина“ на микроуровне, то есть на уровне участковых избирательных комиссий. Я хотел воочию увидеть „вбросы“, „карусели“, „жуликов-председателей“ и т. д. Хотел увидеть все то, о чем писали многие наблюдатели после выборов в Госдуму. Вместо этого я увидел процедуру выборов изнутри в ее химически чистом виде. Никаких нарушений, никакого „беспредела“ ни я, ни — судя по всему — другие наблюдатели так и не увидели. <...> для тысяч наблюдателей-неофитов, взваливших на себя эту миссию на волне воодушевления от многотысячных акций протеста, день 4 марта стал днем расставания с иллюзиями. Мы не Россия, мы всего лишь ее часть, причем не самая многочисленная» (*Узланер Д.* Расставание с иллюзиями: Заметки наблюдателя // Русский журнал. 06.03.2012. URL: <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Rasstavanie-s-illyuziyami>).
6. Седакова О. О протестах и карнавале // Православие и мир. 11.05.2012. URL: <http://www.pravmir.ru/olga-sedakova-o-protestax-i-karnavale/>.

тинизированной сценой для подобных форм самовыражения. Даже в крупнейших городах дендизм расфасован по большей части в замкнутые пространства клубов или торговых центров. Митинги же оказались спонтанной формой уличного скопления референтной аудитории, на которую участникам трудно рассчитывать в других городских локусах.

Во-вторых, современная культура с ее тенденцией к индивидуализации и фрагментации не отменяет, но, напротив, очень даже стимулирует потребность в коллективном эмоциональном переживании, для которого, опять же, нет вразумительных форм в современном российском городском пространстве (не считать же таковой какой-нибудь бюрократизированный «праздник города»). Это не «толпа» в старомодном смысле Г. Лебона и не орнаментальная «масса» З. Кракауэра. Множество выступает здесь резонатором и усилителем индивидуальной эмоциональности, реализуемой, в том числе, в форме театрализованной инсценировки. Евгений Гришковец тут как бы размножился россыпью мини-копий, с его же искренностью разыгрывающих свои мини-спектакли перед подвижной многотысячной аудиторией доброжелательных зрителей. В целом же эмоциональный запрос на участие в протестных акциях эпистемологически продуктивно рассмотреть именно в аспекте специфики общества переживания («Erlebnisgesellschaft»), где действует автономная логика, для описания которой политический язык является сугубо вторичным. Можно привести длинный перечень эмоциональных понятий, посредством которых участники идентифицировали свою потребность и результаты участия в этих коллективных событиях (искренность, воодушевление, преодоление страха, смелость, разные формы «мы» — переживания, экстремальные эмоции (столкновения, задержания на несколько суток) и т. д.). Принципиально то, что весь этот букет эмоций мог быть реализован и во множестве других — вовсе не политических — формах практики. От политической логики их отличает одно — центрированность участников на самих себе, собственном эмоциональном опыте, а не целерациональная борьба за структурное перераспределение властных отношений или пункты общей политической программы. Говоря в экономических категориях, потребность в эмоциональной встряске, удовлетворение которой имеет, в общем-то, затратный характер, была здесь реализована массовым и бюджетным образом.

В-третьих, индивидуальность самовыражения разворачивалась не только на улице, но и в новой медийной среде, что, кроме прочего, вносит серьезные ограничения в возможности использования для анализа этих событий языка классической политической теории как таковой. Значимость социальных сетей

для организации новых протестов не стоит, конечно, переоценивать⁷. Однако именно они могли играть роль катализатора моделирования индивидуальных форм наблюдавшегося публичного самовыражения. Действенность этого катализатора основана на персонифицированной структуре репрезентации современного интернет-пользователя (прежде всего, в социальных сетях). Схематично роль новой медийной среды можно представить так: сеть, среди прочего, создает возможность для атомизированного индивида эффективно противостоять традиционным формам идеологии, транслируемым властью через «большие медиа», за счет быстрого нахождения поддержки для своего колеблющегося мнения. Сеть, в свою очередь, формирует собственное, весьма, как уже было отмечено выше, эмоциональное «общественное мнение»⁸, однако сама форма его медийной расфасовки (персонификация профиля) стимулирует индивидуальную форму выражения, которая, в итоге, *материально* приходит в противоречие с традиционным символическим аппаратом консолидации и репрезентации политической позиции социального множества (общие лозунги и знамена, речи ораторов, политические заявления и т.д.). Стоит также принять во внимание распространение средств визуальной фиксации (фотокамеры и проч.), непосредственно скоммутированных с сетевым пространством презентации, которые — в противоположность традиционной журналистской оптике — расплывали внимание по всему пространству митинга, игнорируя его традиционный репрезентативный и событийный центр (трибуну). Этот аспект современной медийной среды также, хотя и с другой стороны⁹, провоцировал и интенсифицировал персонифицированную театральность участников митингов.

7. В этом суждении я опираюсь на серию интервью, которую мы провели 24.12.2011 на проспекте Сахарова со студентами отделения культурологии НИУ ВШЭ при поддержке журнала «Русский репортер» (редакции которого я здесь, пользуясь случаем, выражаю благодарность). В частности, опрос заметных групп участников (от 5 человек, не сформированных по какому-либо партийному признаку) показал, что способ их организации имеет гибридный характер. Факторы семейных и дружеских связей, совместной работы и образования играли при этом основную роль, тогда как социальные сети — служебную. Т.е. интернет-сети выполняли координационную, а не организационную функцию.
8. В этом отношении также не следует, на мой взгляд, питать чрезмерный энтузиазм относительно интернет-сетей и недооценивать роль СМИ. Всё же выступали в качестве точек кристаллизации сетевого общественного мнения, оформляли и направляли его именно корпоративные медийные игроки.
9. А именно, определяя логику того, что Герман Люббе называет «прецепцией», понимая под этим «зависимость будущей реценции прошлого, которым некогда станет наше настоящее, от вида и способа, каким настоящее передается будущему» (Люббе Г. В ногу со временем: О сокращении нашего

Таким образом, именно эмоциональная индивидуация, получавшая материально-символическую фиксацию в форме театрализованных атрибутов (лозунги, костюмирование и проч.) и опирающаяся на специфическую медиаструктуру как на входе, так и на выходе события, способствовала и ключевой политической особенности протестов — их политической дисперсности¹⁰.

HOMINES NOVI

Ни новая медийная среда, ни, тем более, политическая ситуация в России (в которой структурно мало что изменилось с периода 1990-х), ни действия и мотивы каких-то локальных политических групп не дают не только достаточного, но и необходимого объяснения всплеска новейшей общественной активности. Разумеется, поколенческий фактор всегда играет свою роль — все же в полосу формальной политической дееспособности сегодня вступило поколение, которое не является носителем памяти не только о советском периоде, но и о доброй половине истории постсоветской России. Но как раз потому, что он играет роль всегда, поколенческий фактор всегда же недостаточен.

Культур-социальное объяснение, которое я могу предложить, имеет в одной своей части институциональный характер. Одна из основных проблем современного российского общества, которая озвучивалась в последнее время в самых разных контекстах, — это проблема институтов. Что они в дефиците, что они слабые и проч. Институт я понимаю как типизированную форму социального взаимодействия, устойчивый и воспроизводящийся габитус социальных интеракций. В постсоветский период мы имеем дело с масштабным созданием новых формальных институтов (или учреждений)¹¹, прежде всего в форме права. Однако же далеко не все они являются реально функционирующими, а если говорить совсем начистоту, есть подозрение, что

пребывания в настоящем // Вопросы философии. 1994. № 4. С. 94–113. URL: http://www.ruthenia.ru/logos/personalia/plotnikov/transitions/o1_zugzeit.htm).

10. Объяснение, которое здесь используется, ориентируется, скорее, на центральное положение «вещи» в духе построений Бруно Латура, а не на аппарат концептуализации политических событий, принятый в классической социально-политической теории. Понятие «эмоциональной индивидуации» я все же рискую определять здесь в качестве несущей конструкции вещных и медийных атрибутов (ограничивая тем самым радикальный конструктивизм), хотя, разумеется, эта индивидуация не могла бы артикулированным образом состояться без наличия последних.
11. О различии «института» и «учреждения» см.: Куренной В. Интеллектуалы // Мыслящая Россия: Картография современных интеллектуальных направлений. М.: Фонд «Наследие Евразии», 2006. С. 5–26.

в основной своей части они просто не работают, тогда как те, что работают, не являются новыми. Эта особенность нашего общества многократно и на разные лады описывалась в современной литературе (в частности в работах С. Кордонского), поэтому я не стану на ней специально останавливаться. Но есть все же ряд *новых* институтов, которые достигли к настоящему времени уровня действительной и массовой (хотя и не всеобщей) функциональности. К таковым можно отнести институт формального контракта, действенность которого основана, в частности, на безусловной успешности контракта страхования гражданской ответственности для автомобилистов, а также институт потребительского выбора (каковой также можно считать новым — на фоне дефицитной советской экономики). Иными словами, основная часть наших граждан привыкла находиться в ситуации возможного потребительского выбора, тогда как хотя и менее обширная, но весьма значимая группа усвоила привычку к формальному соблюдению контракта. Что касается института соблюдения формального контракта, то дело не ограничивается, разумеется, только автомобилистами: повседневным является также использование потребительского контракта, связанного с операциями купли-продажи товаров и услуг. Можно, правда, допустить, что в последнем случае ситуация намного более неоднородная (в силу гетерогенности потребительских возможностей и практик), пестрая и не вполне поддающаяся генерализации — в отличие от указанного института автомобильного страхового контракта, каковой можно считать образцовым случаем нового постсоветского института.

Стабилизация двух этих массовых институтов означает, что мы имеем дело с реальной коррекцией поведения больших групп людей, каковой достичь очень сложно — даже самыми радикальными политическими мерами, а уж тем более — посредством политических деклараций и потоковым производством формальных институтов.

Если же теперь с этой точки зрения посмотреть на общий знаменатель новейших общественных выступлений, то нетрудно заметить, что содержательно их требования сводились к тому, чтобы указанные институциональные нормы — возможность выбора и формальное соблюдение контрактов — были соблюдены не только на потребительском и гражданском рынке, но и на рынке политическом. Что и резюмируется в требовании «честных выборов» и возмущением безальтернативностью кандидатуры президента.

Сказанное не означает, что в протестах принимали участие лишь группы «осведомленных потребителей» и «автомобилистов» — такое объяснение было бы наивным, да и не подтвер-

ждается данными социологических опросов протестующих. Но сами выступления не следует также воспринимать упрощенно — как точно организованное скопление именно этого множества людей в данном месте и в данное время. Эти события имеют латентный институциональный фон, определяющий условие возможности этих зримых форм активности, обладающих определенным изоморфизмом по отношению к окружающей социальной среде.

Из этого тезиса не следует, что данный контекст является контекстом всего российского общества. Скорее, разные институциональные слои этого контекста в разной степени включены в наблюдаемую форму протестной активности — одни из них глубже, чем другие. Мы живем в далеко не развитой стране, а значит, и разделяем проблемы «развивающихся» обществ, которые столь подробно были описаны Эрнандо де Сото¹². В легальной области соблюдения формального контракта в России располагается лишь небольшая часть населения, находящаяся, выражаясь термином Броделя и де Сото, под «стеклянным колпаком». Другая же часть нашего общества не будет соперничать «честности» в той мере, в какой сама функционирует в соответствии с нормами неформальных институтов и живет по правилам теневого сектора. Те же оговорки (хотя речь здесь идет о других социальных пропорциях) должны быть сделаны и относительно сформировавшихся привычек потребления. Чтобы пояснить — в порядке исторической справки, — насколько формальная «честность» является у нас новым явлением, напомним пару строк всенародно любимого советского поэта:

И взвод отлично выполнил приказ,
Но был один, который не стрелял.

Из этих строк Владимира Высоцкого явствует, что возможны общества, где честность — это как раз несоблюдение формально декларируемого контракта. И мы пока еще далеко не преодолели инертности одного такого общества, хотя новейшие события и указывают на то, что «стеклянный колпак» легальной институциональной среды уже приобрел очертания и затвердел. Именно на этот язык различия двух типов институциональных сред можно с некоторыми разъяснениями *ad hoc* перевести весь новейший поток публицистики, где обыгрывается тема «двух России», «двух народов» и т. д.

12. См.: Де Сото Э. Загадка капитала. Почему капитализм торжествует на Западе и терпит поражение во всем остальном мире. М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2004.

В качестве небольшого примечания к институциональному аспекту этой проблемы добавлю, что конструирование границ этого колпака, разделяющего формальные и неформальные институциональные среды, активно стимулируют некоторые политики контроля и рационализации, практикуемые российской бюрократией. Ключевую роль в реализации этих политик играет различие режимов доступа граждан к информационной сети. Что, так сказать, на практике апробирует тезис Норберта Больца о том, что современный раскол мира все более определяющим образом проходит по линии «онлайновые»/«офлайновые» игроки¹³.

Приведу наглядный пример. С 2010 года в России действует портал государственных и муниципальных услуг «Госуслуги.ру», подключение к сервисам которого основывается на доступе¹⁴ граждан к интернету. Пользующиеся этими услугами «онлайновые» граждане наделяются особыми привилегиями по отношению к гражданам «офлайновым». Например, коллапс инфраструктуры сертификации технического состояния автомобилей, произошедший в мае 2011 года и побудивший к принятию на президентском (!) уровне решения об изменении всей этой системы, не имел шансов быть даже просто замеченным «онлайновыми» российскими гражданами, которые при оформлении заявки через сайт госуслуг получали привилегию предварительной записи и последующего строгого соблюдения прохождения ТО по этой записи — в противоположность «офлайновым» гражданам, продолжающим жить по неформальным правилам «живой очереди» (существовавшая до этого практика записи по телефону была при этом отменена). Сходные типы дискриминации действуют также при получении загранпаспорта и некоторых других базовых гражданских документов. Именно подобные политики контроля российской бюрократии проливают свет на генезис некоторых конститутивных моментов самосознания «хомячков», вышедших на митинги спустя год-полтора после того, как вступил в действие указанный механизм раскола онлайн- и офлайн-миров российских граждан¹⁵.

13. *Больц Н.* Азбука медиа. М.: Европа, 2011.

14. Точнее говоря, на компетенции доступа — учитывая наличие специальных терминалов, которые должны, по замыслу разработчиков, составить альтернативу для тех, кто не имеет доступа к сети через собственные персональные компьютеры.

15. Приведенное примечание не имеет в виду ретроградную критику этого прогрессивного сервиса. Но как и всякое благое и рациональное начинание, он имеет непредусмотренные социальные и культурные последствия, которые следует по меньшей мере тематизировать. В порядке статистики добавлю, что в середине апреля 2012 г. число зарегистрированных пользователей сайта превысило 2 млн человек.

КРЕАТИВНЫЙ КЛАСС?

Примечательным явлением, сопутствовавшим политической активности, стало взрывное оживление дискурсивной работы, нацеленной на производство понятий, способных идентифицировать и самоидентифицировать социальный субстрат новой активности. «Рассерженные горожане», «образованные горожане», «поколение Фейсбук», «интеллигенция», «новая интеллигенция» и т. д. и т. п., — в общем, было испробовано много разных слов. Удивительной особенностью этой дискурсивной работы столичных публицистов оказалась судорожная мобилизация концептуальных ресурсов, сформулированных в советский и досоветский период для тематизации проблемы «интеллигенции», которая, казалось бы, безвозвратно канула в Лету¹⁶.

Остановлюсь здесь только на одном популярном социальном маркере, заимствованном у Ричарда Флориды, — «креативный класс». В действительности это понятие (как и часть других) не было каким-то новым в российском публичном пространстве — оно обыгрывалось в рамках конкуренции экспертных группировок задолго до всяких митинговых событий, входя в аккомпанемент программы модернизации. Речь шла о возможной социальной опоре этой самой модернизации — Институт общественного проектирования, например, продвигал «средний класс», а в 2010-м появился «интеллектуальный класс»¹⁷ — в пику, кстати, как раз «креативному». Здесь не место входить в полемику вокруг концепта Флориды (в чем-то весьма сомнительного), но, несмотря на свою теоретическую слабость, в этой работе есть некоторое твердое ядро, которое представлено в главе «От социального капитала — к креативному капиталу»¹⁸. В ней Фло-

16. Анализ проблемы понятийной самоидентификации современных российских интеллектуальных кругов см.: Куренной В. А., Никулин А. М., Розозин Д. М., Турчик А. В. Интеллектуально-активная группа. (Мыслящая Россия.) М.: Фонд Наследие Евразии, 2008). Кстати, к дискурсивным поискам конца 2011 — начала 2012 годов прямое отношение имеет параграф «Безымянные», о которых в этом тексте, в частности, говорится: «Новая форма интеллектуальности до сих пор не нашла ни понятийных способов своей артикуляции, ни устойчивых социально-коммуникативных структур, имеющих публичный характер» (Там же. С. 41). Оживление публичной активности и возникновение коммуникативной плотности в последнее время всего лишь вывели эту проблему социального маркера на поверхность публицистического дискурса.

17. Межуев Б., Черняев А., Куркин Н., Павлов А. Интеллектуальный класс и перспективы российской модернизации. Третий доклад Цеха политической критики // Русский журнал. 12.07.10. URL: <http://russ.ru/pole/Intellektualnyj-klass-i-perspektivy-rossijskoj-modernizacii>.

18. Флорида Р. Креативный класс: Люди, которые меняют будущее. М.: Классика-XXI, 2005. С. 294 и далее.

рида пытается дать содержательный анализ социальных особенностей той группы, которую он имеет в виду, используя понятие «креативный класс», обращаясь полемически к концепции «социального капитала» Роберта Патнэма, при этом в значительной степени опираясь на теорию «слабых связей» Марка Грановеттера. Обращаясь к этому центральному, на мой взгляд, пункту работы Флориды, как раз и можно понять, имеет ли смысл называть российских протестующих «креативным классом» или нет.

На этот вопрос следует дать отрицательный ответ. На том основании, что «креативный класс» Флориды отличает как раз последовательный индивидуализм, стремление уйти от «сильных связей» и тяга к связям «слабым». Кроме того, креативный класс Флориды — самая подвижная и мобильная часть современных обществ, *он выбирает себе место, а не обустроивает его*¹⁹ (что и обернулось всеобщей озабоченностью городских властей по всему миру, после того, как Флорида им разъяснил, что к чему — отсюда все эти «креативные города», брендрование и «Пермский эксперимент»). Если угодно пример из искусства, то образцовый представитель «креативного класса» — это герой фильма «Мне бы в небо»²⁰, который фактически не имеет дома, проживая свою жизнь в самолетах и гостиницах, завязывая лишь краткосрочные отношения («слабые связи»). Дух же новых митингов, насколько я могу его постичь из интервью, разговоров и облака появившихся текстов, совершенно иного рода. И он все яснее обнаруживался по мере того, как спадал актуальный эмоциональный накал и началась кристаллизация каких-то устойчивых социальных практик — под аккомпанемент рассуждений «а что делать дальше?». Ничего неожиданного в этих практиках не оказалось — на «Оккупай Абай» развернулся настоящий КСП (песни под гитару, коврики, спальные, только палаток не было, правда, — по чисто техническим причинам), тогда как организо-

19. Заботиться о долгосрочных политических правилах игры («честные выборы») пристало людям, привязанным к данному политическому пространству. Представителю же креативного класса проще выбрать себе обустроенный контекст, не обременяя себя дополнительной идентичностью в виде политических обязательств. Небольшой, но характерный штрих: среди доступного мне круга активных участников новейших событий наблюдателями на президентские выборы во множестве пошли родители новорожденных. То есть категория людей, далеко не самых свободных в отношении своего свободного времени, но при этом — в силу обременения долгосрочными стратегиями на будущее — в наибольшей степени заинтересованных в соблюдении правил игры в своем настоящем контексте. Идеальный же представитель «креативного класса», если дискомфорт достигает порогового уровня, просто берет билет на самолет.

20. «Up in the Air» (реж. Джейсон Райтман, 2009), экранизация одноименного романа Уолтера Кёрна (2001). Фильм представляет собой консервативную критику социального типа, представленного главным героем.

ванные на них «ассамблеи» пребывали в упоении далеко не новой утопии «назад в античность!». Идеологи движения заговорили о разных локальных добрых делах — идти в народ, поддерживать малые инициативы и проекты и т. д. Иными словами, после акта «Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались!» воследовали разные публицистические томления о «малом общем деле», которое нас сплотит, не даст утратить переживания искренности, чувства локтя и творческого задора. Само собой разумеется, это малое общее дело должно противостоять «большим» — бюрократически-рациональным, государственным, короче, совершенно бездуховным, лживым и коррумпированным²¹, но быть, напротив, искренним, аскетическим, альтруистическим и малым²².

Причем здесь «креативный класс»? — совершенно не причем, отвечу я, так как глубинным стержнем этих событий является совсем другой мотив. Это тяга к искренности «сильных связей», которые завязываются как раз на основе малых дел, в процессе распевания песен под гитару под звездным небом и прочих понятных социально-культурных практик. Конечно, возникает вопрос, сколько правды в словах самих вдруг пробужденных улицей идеологов, чувствующих этот мотив и пытающихся отлить его теперь в какие-то манифесты. Что мешало делать эти малые дела раньше? Разве кто-то чинил препятствия в просвещении детей или аскетическом служении науке, образованию и культуре? Или в поддержании безбюджетных выставок и концертов на пустырях? — Да будет! — Ничего не мешало. Они делались и будут делаться, как всегда уклоняясь от ложных в своем прекрасно-

21. Ну просто наугад, горстями: «Художники и писатели должны привилегировать маленькие издательства, независимые проекты, безбюджетные выставки и музыкальные инициативы, организованные на собранные в интернете средства. Будем использовать государство только как источник своих личных средств к существованию, но пусть наш ум и сердце будут в другом месте. Если это будет означать квартирные выставки и концерты на пустырях — пусть будет так» (*Деготь Е.* Новая нянечка чисто метет // Ведомости. 25.05.2012). URL: http://www.vedomosti.ru/opinion/news/1782826/ekaterina_degots_novaya_nyanechka_chisto_metet; «Поскольку государство справиться со всей этой прорвой ржавого железа не в состоянии, необходимо мобилизовать частный бизнес и обычных граждан: проснулся — почини забор»; «Любые формы горизонтальной самоорганизации — профсоюзы, жилсоветы, организации любителей рыбной ловли и общества спасения на водах — это хорошо» (*Сапрыкин Ю.* Десять вещей, которые спасут Россию // Афиша. 18.05.2012. URL: <http://www.afisha.ru/article/jury-saprykin-zhurnalists/>); «надо меньше потреблять и делать „ради других“» (*Муравьев А.* Когда запоет Алконост // Полит.Ру. 24.05.2012. URL: <http://polit.ru/article/2012/05/24/alconost/>).

22. Просто в порядке справки: такой современный бюрократический монстр, как МЧС, выросло, на самом деле, из такой же когда-то малой гражданской инициативы — на основе групп добровольных спасателей, действовавших после землетрясения в Спитаке в 1988 году.

души манифестов с призывами и указаниями. «Пришло время, надвигается на всех нас громада, готовится здоровая, сильная буря, которая идет, уже близка и скоро сдует с нашего общества лень, равнодушие, предубеждение к труду, гнилую скуку. Я буду работать, а через какие-нибудь 25–30 лет работать будет уже каждый человек. Каждый!» — помилуйте, сколько ж можно...

И все же — несмотря на какие бы то ни было заблуждения в самоидентификации — в этом движении есть какой-то момент новизны, здесь нечто массовым образом состоялось. Что же это, в конце концов, такое?

НОВАЯ ГОРОДСКАЯ РОМАНТИКА

Новый феномен активности имеет два уровня несовпадения с самим собой. Первый — поверхностный, политический. Самые разные — до противоположности — силы стремились его политически приватизировать, возглавить и направить. Эти силы появились до этого явления и продолжают свое существование помимо него. Что и с какой глубиной им удалось инструментализировать — вопрос, не имеющий отношения к нашей непосредственной теме. Насколько адекватным или неадекватным было восприятие этого явления, так сказать, с другой стороны — этот вопрос также не имеет в данном случае большого значения.

Второй уровень несовпадения более существенный: «в себе» не равно здесь «для себя». Явление кажется себе очень либеральным, очень продвинутым — отсюда, в том числе, такая тяга именовать себя «креативным классом». Но, на мой взгляд, существо этого явления совершенно в другом — это *романтическая реакция* на бремя модернизации — на мир, в котором действуют тяжеловесные рационализированные корпорации и государственные аппараты, на мир, который регулируется внешними связями²³, среди которых человек является не целью, а средством, погруженным в манипуляцию и неискренность. Именно в этом — вся проблема отчуждения, утопия преодоления которой питала энергию Маркса, достигшая сегодня размеров и пределов, которых последний едва ли мог себе представить.

23. Обозначенная выше тяга к соблюдению формального контракта, на первый взгляд, этому противоречит, так как может рассматриваться именно как предпочтение внешних связей. Но если подходить к проблеме содержательно, то указанную особенность протестной среды все же можно трактовать как вариант романтической реакции. А именно, как комфортный способ совладания с неопределенностью сложного мира, как рафинированную форму стремления все к той же «стабильности» (ключевое понятие путинского успеха в «другой России»), конституирующуюся в пределах более комплексной среды «стеклянного колпака».

Российский феномен новейшей общественной активности не изолирован. Но стоит он не в ряду оранжевых и арабских революций, он ближе тому движению, которое синхронно развернулось в странах ядра западной культуры («Оккупируй Уолл-стрит»). Это протест против системы современного мира как таковой. Конечно, эта система где-то совершенной, где-то хромонога, но вот это уже детали. Люди не хотят жить в бездушном мире внешних связей, где социальность интегрируется внешними структурами управления (манипуляция и пропаганда, управляемые митинги), где действуют большие корпорации, доступ к управлению которыми по определению ограничен и дефицитен (отсюда их коррупционность). Они хотят похожего на себя лидера, который им понятен и приятен, искренних и сильных отношений, скрепленных малыми добрыми делами. Они хотят, чтобы кустарное творчество (хотя бы свой собственный политический плакат) замечалось и признавалось — чем оно хуже хора Бурановских бабушек на Евровидении²⁴? Взыскуют свободы, альтруизма и песен под гитару под звездным небом, когда вокруг клубится что-то немного холодное и враждебное, что, впрочем, лишь усиливает эмоцию общего, но все же вполне себе индивидуализированного сопереживания. Новые городские романтики хотят ассамблей и прямой афинской демократии, а не косвенных политических репрезентаций и склеротичных в силу своей огромности аппаратов управления. Такова романтическая реакция, которая так же стара, как и цивилизация модерна, и является ее необходимой частью и неизбежной тенью.

Упомянув о двух типах несовпадения, я вовсе не склонен недооценивать значение тех, пусть и неадекватных, политических форм и типов самоидентификации, в которых может упаковаться эта романтическая реакция. При одних обстоятельствах этот протест против бездушной цивилизации мог бы отлиться в национальную или даже фашистскую форму, а при других — в социалистическую революцию. Парадокс всех современных революций, впрочем, в том и состоит, что человек просто хотел бросить ружье и отправиться в деревню к милке и своему «малому делу», а в итоге как кулацкий элемент 25 лет в лагере мыл руду в стране победившей революции.

Так что, несмотря на приведенный здесь анализ, все еще возможно и ничего не исключено.

24. Любопытно эстетическое неприятие этих самых бабушек в среде, о которой мы говорим. Героem здесь, скорее, является Петр Налич, появление которого на прошлом конкурсе «Евровидение» как раз и воспринималось как победа этой самой новой городской романтики над бюрократией конкурсного отбора.